

Российская академия наук
Институт научной информации
по общественным наукам

ЧЕЛОВЕК: ОБРАЗ И СУЩНОСТЬ. ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1990 года
Выходит 4 раза в год

**№ 3 (43)
2020** Тема номера: *Homo scribens:*
 Образ и саморефлексия автора
 в европейской словесности

Учредитель:

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Центр гуманитарных научно-информационных исследований
ИНИОН РАН

Редакция

Главный редактор: Л.В. Скворцов – д-р филос. наук

Заместители главного редактора: Л.Р. Комалова – д-р филол. наук, Г.В. Хлебников – канд. филос. наук

Редакционная коллегия: В.З. Демьянков – д-р филол. наук (Россия, Москва); Х.В. Дзуцев – д-р социол. наук (Россия, Владикавказ); Ю.А. Кимелев – д-р филос. наук (Россия, Москва); И.В. Кондаков – д-р филос. наук (Россия, Москва); Т.Н. Красавченко – д-р филол. наук (Россия, Москва); В.Е. Лепский – д-р психолог. наук (Россия, Москва); С.И. Масалова – д-р филос. наук (Россия, Ростов-на-Дону); А.Е. Махов – д-р филол. наук (Россия, Москва); Л.И. Мозговой – д-р филос. наук (Украина, Славянск); А.В. Нагорная – д-р филол. наук (Россия, Москва); Н.Т. Пахсарьян – д-р филол. наук (Россия, Москва); Р.К. Потапова – д-р филол. наук (Россия, Москва); В.В. Потапов – д-р филол. наук (Россия, Москва); Э.Б. Яковleva – д-р филол. наук (Россия, Москва); А.М. Гагинский – канд. филос. наук (Россия, Москва); Р.С. Гранин – канд. филос. наук (Россия, Москва); В.Н. Желязкова – д-р филологии (Болгария, София); И.В. Кангро – д-р филологии (Латвия, Рига); М.Ю. Коноваленко – канд. психолог. наук (Россия, Москва); О.В. Кулешова – канд. филол. наук (Россия, Москва); О.А. Матвейчев – канд. филос. наук (Россия, Москва); Е.М. Миронеско-Белова – д-р филологии (Испания, Гранада); П.-Л. Талавера-Ибарра – д-р филологии (США, Остин); Чж. Цзыли – канд. пед. наук (Китай, Шанхай); Е.А. Цурганова – канд. филол. наук (Россия, Москва)

Ответственный редактор номера: Е.В. Лозинская

Ответственный секретарь: С.С. Сергеев

Журнал «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты»
включен в Российской индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций,
свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-72547

ISSN 1728-9319

DOI: 10.31249/chel/2020.03.00

© «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты», журнал, 2020

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук», 2020

Russian Academy of Sciences
Institute of Scientific Information
for Social Sciences

HUMAN BEING: IMAGE AND ESSENCE. HUMANITARIAN ASPECTS

SCHOLARLY JOURNAL

Published since 1990
4 issues per year

**Nº 3 (43)
2020**

Theme of the issue:
Homo scribens:
Author's image and self-reflection
in the European literature

Founder:

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Centre of Humanitarian Scientific and Informational Researches

Editorials

Editor-in-chief: Lev Skvortsov – DSn in Philosophy

Deputy editors-in-chief: Liliya Komalova – Doctor of Science in Philology; Georgiy Khlebnikov – PhD in Philosophy

Editorial board: Valery Demyankov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Hassan Dzutsev – Doctor of Science in Sociology (Russia, Vladikavkaz); Yuriy Kimelev – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Moscow); Igor Kondakov – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Moscow); Tatiana Krasavchenko – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Vladimir Lepsky – Doctor of Science in Psychology (Russia, Moscow); Svetlana Masalova – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Rostov-on-Don); Aleksandr Makhov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Leonid Mozgovoj – Doctor of Science in Philosophy (Ukraine, Slavyansk); Alexandra Nagornaya – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Nataliya Pakhsariyan – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Rodmonga Potapova – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Vsevolod Potapov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Emma Jakovleva – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Alexej Gaginsky – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Roman Granin – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Veselka Zhelyazkova – PhD in Philology (Bulgaria, Sofia); Ilze Kangro – PhD in Philology (Latvia, Riga); Marina Konovalenko – PhD in Psychology (Russia, Moscow); Olga Kuleshova – PhD in Philology (Russia, Moscow); Oleg Matveichev – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Elena Mironesko-Bielova – PhD in Philology (Spain, Granada); Pablo-Leonardo Talavera Ibarra – PhD in Philosophy (USA, Austin); Zhang Zi-Li – PhD in Pedagogical Science (China, Shanghai); Elena Tsurganova – PhD in Philology (Russia, Moscow).

Issue editor: Eugenia Lozinskaya

Executive secretary: Sergey Sergeev

Journal «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects»
is indexed in the Russian Science Citation Index

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications,
information technology, and mass media, certificat: ПИ № ФС 77–72547

ISSN 1728-9319

DOI: 10.31249/chel/2020.03.00

© «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects», journal, 2020

© FSBIS «Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты в поэтиках	9
<i>Махов А.Е.</i> Проблема подражания образцам в поэтологии французского классицизма.....	9
Творческий метод как образ мышления	27
<i>Котелевская В.В.</i> О повествовательном мышлении Томаса Бернхарда: «Вечное возвращение» и полифоническое письмо	27
<i>Раренко М.Б.</i> «Поворот винта»: Генри Джеймс как писатель и как критик	55
Писатель в тексте	68
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> Имплицитный автор и имплицитный читатель в романе рококо.....	68
<i>Зусман В.Г., Милова А.И.</i> «Человек пишущий» и «человек творящий» в прозе А.П. Чехова 1880–1888 гг.	83
<i>Амирян Т.Н.</i> Даниэль Пеннак: от детективов к автофикациональному роману.....	98

Писатель и его читатели: Парадоксы коммуникации	119
<i>Соколова Е.В.</i> Осцилляция образа: СМИ и В.Г. Зебальд о	
Писателе (у) П. Хандке.....	119
Астисова О.С. «Весь этот Гёте»: Культ и антикульт	144
Рецензии	170
<i>Жулькова К.А.</i> Автор и герой: Проблема идентификации.	
Рецензия на книгу: Лекманов О., Свердов М.,	
Симановский И. Венедикт Ерофеев: Посторонний	170

CONTENTS

Poets in the poetical treatises.....	9
<i>Makhov A.E.</i> The problem of imitating models in the poetology of French classicism.....	9
Creative method as way of thinking.....	27
<i>Kotelevskaya V.V.</i> On Thomas Bernhard's narrative thinking: «Eternal return» and a polyphonic writing.....	27
<i>Rarenko M.B.</i> The Turn of the Screw: Henry James as an author and a critic	55
The writer within the text.....	68
<i>Pakhsarian N.T.</i> Implied author and implied reader in rococo novel.....	68
<i>Zusman V., Milova A.</i> «Writing person» vs «creative person» in A.P. Chekhov's prose works of 1880–1888.....	83
<i>Amiryan T.N.</i> Daniel Pennac: From detective to autofiction.....	98
The writer and his readers: Paradoxes of communication.....	119
<i>Sokolova E.V.</i> Oscillation of the image: Images of “Writer” (by) Peter Handke in mass media and in W.G. Sebald's Essays	119
<i>Aspisova O.S.</i> All this Goethe: Cult and anticult	144

Reviews.....	170
<i>Zhulkova K.A.</i> Author and the character: The identification problem (Book review: Lekmanov O., Sverdlov M., Simanovsky I. Venedikt Erofeev: The Outsider).....	170

Раренко М.Б.

**«ПОВОРОТ ВИНТА»: ГЕНРИ ДЖЕЙМС
КАК ПИСАТЕЛЬ И КРИТИК**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия, rarenco@rambler.ru*

Аннотация. В статье повесть Генри Джеймса (1843–1916) «Поворот винта» (1898 – первая редакция, 1908 – вторая редакция) рассматривается в связи с вопросом о появлении нового типа повествователя в поздней прозе писателя. Мировоззрение и творческий метод Г. Джеймса складываются в том числе и под влиянием философии pragmatism, получившей широкое распространение на рубеже XIX–XX вв. благодаря трудам старшего брата писателя философа Уильяма Джеймса (William James, 1842–1910). Ядро pragmatismа составляет плюралистическая концепция У. Джеймса, построенная на допущении, что познание может осуществляться, исходя из весьма ограниченных, неполных и неадекватных «точек зрения», откуда следует утверждение о принципиальной непознаваемости абсолютной истины. Гносеологические утверждения У. Джеймса сводятся к тому, что содержание знания целиком и полностью обусловлено установкой сознания, а содержание истины в таком случае зависит от целей и опыта познающего, т.е. в центре стоит сознание человека. Г. Джеймс не только создает художественные произведения, но и подробно излагает принципы своей работы как на страницах художественных произведений малой и крупной прозы, вкладывая их в уста своих персонажей – представителей, так и в предисловиях к своим художественным произведениям, а также в критических трудах.

Ключевые слова: Генри Джеймс; «Поворот винта»; реализм; повесть; точка зрения; эффект неопределенности; «центральное сознание»; Уильям Джеймс; автор; повествователь; писатель; читатель.

Поступила: 27.05.2020

Принята к печати: 22.06.2020

Rarenko M.B.

The Turn of the Screw: Henry James as an author and a critic

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia, rarenco@rambler.ru*

Abstract. The article considers the story by Henry James (1843–1916) «The Turn of the Screw» (1898 – first edition, 1908 – second edition) in connection with the emergence of a new type of narrator in the writer's late prose. The worldview and creative method of H. James are formed under the influence of the philosophy of pragmatism, which became widespread at the turn of the XIX–XX centuries thanks to the works of the writer's elder brother, the philosopher William James (1842–1910). The core of pragmatism is the pluralistic concept of William James based on the assumption that knowledge can be realized from very limited, incomplete, and inadequate «points of view» and this leads to the statement that the absolute truth is essentially unknowable. The epistemological statements of William James's theory is that the content of knowledge is entirely determined by the installation of consciousness, and the content of the truth in this case depends on the goals and experience of the human, i.e. the central starting point is the consciousness of the person. Henry James not only creates works of art, but also sets out in detail the principles of his work both on the pages of fiction works of small and large prose, putting them in the mouths of their characters – representatives of the world of art, and in the prefaces to his works of fiction, as well as in critical works.

Keywords: Henry James; «The Turn of the Screw»; realism; story; point of view; effect of uncertainty; «central consciousness»; William James; author; narrator; writer; reader.

Received: 27.05.2020

Accepted: 22.06.2020

Генри Джеймс (Henry James, 1843–1916), американский и европейский писатель, в равной степени известен как своими литературными трудами, так и критикой, при этом трудно сказать, какая грань его таланта преобладала – то ли он на практике «закреплял» свои теории (учил других, как реализовывать его идеи), то ли в критических статьях объяснял, как нужно прочитывать созданные им произведения. Ни один американский или европейский писатель ни до, ни после Г. Джеймса не может сравниться с ним ни по количеству созданных художественных произведений и критических работ, ни по их влиянию на развитие литературы и литературной критики. По собственному признанию Г. Джеймса, с ранней юности он мечтал стать литературным критиком, а материал для своих будущих произведений и вовсе, кажется, собирал уже в раннем детстве.

Основными заслугами Г. Джеймса в литературной практике и теории следует признать, во-первых, так называемый «эффект неопределенности», а во-вторых, прием «точки зрения», использование которых он успешно продемонстрировал в своих произведениях – крупной и малой прозе. Несмотря на то что в мировую литературу Г. Джеймс вошел скорее как писатель крупной формы¹, в малой прозе писателя, как в зародыше, отразились все его литературные методы, предпочтения, взгляды.

Вторая половина 1890-х годов для Генри Джеймса стала периодом исканий. К его большому разочарованию, постановка комедии в 4 действиях «Американец» (*The American*, 1891) оказалась малоудачной, а пьесу «Гай Домвиль» (*Guy Domville*, 1895) и вовсе ожидал провал. Джеймс начинает снова искать себя, меняет жанровые методы.

В результате в скором времени появляются сразу несколько новых произведений Г. Джеймса: в 1897 г. вышел маленький роман «Что знала Мэйзи» (*What Maisie Knew*), в 1898 г. – повесть «Поворот винта» (*The Turn of the Screw*) и роман «Неудобный возраст» (*The Awkward Age*).

Говоря о художественном методе Г. Джеймса, следует признать, что это – реализм, но при том отличающийся повышенным интересом к вопросам психологии личности, в частности, к проблемам сознания. В реалистической манере Г. Джеймса многие критики ХХ в. усматривают истоки модернизма: «<...> в сознание читающей публики недавно завершившегося ХХ в. Генри Джеймс вошел прежде всего как предтеча и основоположник модернизма» [Коренева, 2003, с. 442]. Мировоззрение и творческий метод Г. Джеймса складывались в том числе и под влиянием философии pragmatism, получившей широкое распространение на рубеже XIX–XX вв. благодаря трудам старшего брата писателя философа Уильяма Джеймса (William James, 1842–1910). Ядро pragmatismа составила плоралистическая концепция У. Джеймса, построенная на допущении, что познание может осуществляться, исходя из весьма ограниченных, неполных и неадекватных «точек зрения»,

¹ Критики чаще обращаются к его романам – «Крылья голубки» (*The Wings of the Dove*, 1902), «Послы» (*The Ambassadors*, 1903), «Золотая чаша» (*The Golden Bowl*, 1904), «Портрет дамы» (*The Portrait of a Lady*, 1881), «Княгиня Казамассима» (*The Princess Casamassima*, 1886) и др.

откуда следует утверждение о принципиальной непознаваемости абсолютной истины. Гносеологические утверждения У. Джеймса сводились к тому, что содержание знания целиком и полностью обусловлено установкой сознания, а содержание истины в таком случае зависит от целей и опыта познающего, т.е. в центре стоит сознание человека.

Художественный прием «точки зрения», используемый Г. Джеймсом во многих его произведениях, особенно поздних, заключается в том, что описываемая в тексте ситуация представлена глазами нескольких участников или свидетелей события, которые в силу различных причин (незнания полной ситуации, ограниченности опыта, детского возраста и пр.) могут воспринять лишь фрагмент действительности и соответственно его интерпретировать. Воссоздание же полной картины из фрагментов, как мозаики, возлагается Г. Джеймсом на читателя. Такая «интерактивность» произведений поначалу многими критиками и читателями была воспринята с осторожностью, и получаемый в результате «эффект неопределенности» скорее рассматривался как недостаток художественного метода, нежели его преимущество.

В Предисловии к роману «Женский портрет» в нью-йоркском издании 1907–1909 гг. Г. Джеймс говорит об отображении действительности в искусстве, как о доме со многими окнами: «В доме литературы не одно окно, а тысячи и тысячи <...>, и каждое из них было или будет сделано в силу потребностей индивидуальной точки зрения и силою индивидуальной воли. <...> У этих окон есть своя особенность: за каждым из них стоит человек <...>. Он и его соседи смотрят все тот же спектакль, но один видит больше, а другой меньше, один видит черное, а другой белое...» [Джеймс, 1984, с. 485].

Как отмечает сам Г. Джеймс, сюжет повести «Поворот винта»¹ был подсказан ему отцом его приятеля А.К. Бенсона и, судя

¹ Повесть переведена на ряд иностранных языков, на русском языке существуют, по крайней мере, два перевода – перевод Н. Дарузес (1974) [Джеймс, 1983] и перевод Н.С. Васильевой (1994) [Джеймс, 1994]; повесть также была многократно экранизирована как под одноименным названием, так и под другими: «Поворот винта» (США, 1959, режиссер Джон Франкенхаймер), «Невинные» (Великобритания, 1961, режиссер Джек Клейтон), «Ночные пришельцы» (Великобритания, 1971, режиссер Майкл Уиннер), «Поворот винта» / *Le tour d'écrou* (Франция, 1974, режиссер Раймон Руло), «Поворот винта» / *Otra vuelta de tuerca*

по тому, что повесть была написана всего за два месяца, сильно увлек писателя: в письме от 25 сентября 1897 г. Г. Джеймс пишет А.К. Бенсону, что сюжет воплощается [James, 1987, р. 76], а 1 декабря того же года в письме сестре Алисе он сообщает о том, что повесть им завершена: «Наконец-то я закончил мою маленькую книжечку <...>» [James, 1987, р. 123].

В основе сюжета лежит история двух детей, оставшихся после смерти родителей на попечении дяди, лондонского денди, нанявшего для их воспитания и образования гувернантку, юную девушку, которая, по прибытии в имение Блай, сталкивается со странным поведением маленького Майлса и крошечной Флоры. Рассказ о гувернантке и ее подопечных обложен в рамку – о событиях, с ними произошедших, читатель узнает не непосредственно от гувернантки, а от мистера Дугласа, который сначала рассказывает предысторию о том, как он об этих событиях узнал (оказывается, эта гувернантка была в свое время гувернанткой его младшей сестры), а потом зачитывает рукопись, которую ему более двадцати лет назад оставила гувернантка перед своей смертью.

Уже в самом начале повести читателя подготавливают к тому, что текст следует воспринимать как сложнейший шифр, ключ к которому отсутствует. Так, на реплику одного из своих слушателей «*The story will tell*» мистер Дуглас многозначно отвечает: «*The story won't tell*» (выделено Г. Джеймсом). Версия о реальности призраков Питера Квinta и мисс Джессел одинаково успешно подтверждается и опровергается повествованием. Добавляет тайны и то, что двусмысленными оказываются как отдельные реплики персонажей, их диалоги, так и целые сцены повести. Ничто прямо и однозначно не свидетельствует о том, кто именно является (и является ли) преступником, и даже вопрос о том, имело ли

(Испания, 1985, режиссер Элой де ла Иглесиа), «Поворот винта» (США, 1992, режиссер Русти Леморанд), «Присутствие духа» (США, Испания, 1999, режиссер Антони Алой), «Поворот винта» (Великобритания, США, 1999, режиссер Бен Болт), «Проклятое место» (Великобритания, Люксембург, 2006, режиссер Донато Ротунно), «Поворот винта» (Великобритания, 2009, режиссер Тим Файвелл), «Воспитатель» (Аргентина, 2017, режиссер Иван Ноэль), «Поворот винта» (Новая Зеландия, 2019, режиссер Алекс Галвин), «Поворот» (Канада, 2020, режиссер Флория Сигизмонди); некоторые фильмы повторяют оригинальный сюжет, другие, как «Ночные пришельцы», излагают предысторию событий или представляют собой вариации на сюжет повести. – Прим. М. Р.

место на самом деле преступление и кто стал его жертвой или жертвами, остается открытым.

Повесть невозможно однозначно отнести к определенному субжанру. Она совмещает в себе и элементы готического повествования (что, однако, сам Г. Джеймс опровергал), и элементы детектива (хотя писатель принципиально отрицал похожесть своей манеры повествования на письмо Э. По). Перед читателем развертывается некое событие, понять суть которого не может ни один из персонажей, включая и того, от лица которого ведется повествование. Читатель принимает игру (тем самым фактом, что продолжает читать текст и прочитывает его до конца), предложенную ему автором, и в какой-то момент сам становится детективом, увлекшись загадочными событиями, в надежде проверить свою логику, интуицию, детективные способности и пр.: он (читатель) буквально по крупицам собирает все факты, намеки и сопоставляет их. Все действующие лица находятся в поле зрения читателя, который изучает их каждый шаг, каждое произнесенное ими слово, находит расхождение в оценках происходящего разными персонажами. В результате он приходит к своему субъективному, конечно, но тем не менее в большей или меньшей степени мотивированному мнению и ждет развязки, которая и покажет, в чем он прав и в чем ошибается – в соответствии с правилами детективного жанра. Однако развязка не наступает: рассказ Г. Джеймса обрывается, а «объективная» версия случившегося так и не представлена. Читатель невольно чувствует себя обманутым: его ожидания не подтверждаются, но и не опровергаются «всезнающим» автором.

Интересно то, что по первоначальному замыслу явления признаков в повести должны были изображаться как реально про-исходившее событие (и в этом сходство повести Г. Джеймса с готическим романом), об этом писатель упоминает в дневнике от 12 января 1895 г.: «Рассказ следует вести объективно, насколько возможно, от лица постороннего наблюдателя» [James, 1966, р. 186]. Однако в дальнейшем Г. Джеймс значительно усложняет структуру самого замысла: так, в частности, объективный наблюдатель уступает место гувернантке, от лица которой (внутри рамки, заданной мистером Дугласом) ведется повествование, при этом сама же гувернантка является главным действующим лицом, а ее переживания становятся тем фокусом, куда Г. Джеймс и направляет свой взгляд. Собственно говоря, с формальной точки зрения в по-

вести оказывается целых три повествователя – повествователь «я», мистер Дуглас и гувернантка, при этом рассказ мистера Дугласа обрамляет рассказ гувернантки. Первый рассказчик представляет нам мистера Дугласа, предлагающего рассказать, а точнее прочитать, своим слушателям историю, рукопись которой ему подарила гувернантка его младшей сестры, уверяя, что все, описанное в ней, правда. Таким образом, повесть заключена не просто в рамку, а в двойную рамку, но именно гувернантка является «настоящим повествователем», так называемым «центральным сознанием». Такой тип повествователя не может, по своему характеру, обладать определенностью, категоричностью или объективностью, напротив, изначально предполагает некую неопределенность и субъективность оценки.

В этом отношении показательными представляются первые страницы повести, например фрагмент, в котором читатель узнает о нанимателе гувернантки:

«This person proved, on her presenting herself, for judgment, at a house in Harley Street, that impressed her as vast and imposing – this prospective patron proved a gentleman, a bachelor in the prime of life, such a figure as had never risen, save in a dream or an old novel, before a fluttered, anxious girl out of a Hampshire vicarage. One could easily fix his type; it never, happily, dies out. He was handsome and bold and pleasant, off-hand and gay and kind. He struck her, inevitably, as gallant and splendid, but what took her most of all and gave her the courage she afterward showed was that he put the whole thing to her as a kind of favor, an obligation he should gratefully incur. She conceived him as rich, but as fearfully extravagant–saw him all in a glow of high fashion, of good looks, of expensive habits, of charming ways with women. He had for his own town residence a big house filled with the spoils of travel and the trophies of the chase; but it was to his country home, an old family place in Essex, that he wished her immediately to proceed. He had been left, by the death of their parents in India, guardian to a small nephew and a small niece, children of a younger, a military brother, whom he had lost two years before. These children were, by the strangest of chances for a man in his position—a lone man without the right sort of experience or a grain of patience—very heavily on his hands. It had all been a great worry and, on his own part doubtless, a series of blunders, but he immensely pitied the poor chicks and had done all he could; had in particular sent them down to his other house, the proper place for them being of course the country, and kept

them there, from the first, with the best people he could find to look after them, parting even with his own servants to wait on them and going down himself, whenever he might, to see how they were doing. The awkward thing was that they had practically no other relations and that his own affairs took up all his time. He had put them in possession of Bly, which was healthy and secure, and had placed at the head of their little establishment—but below stairs only—an excellent woman, Mrs. Grose, whom he was sure his visitor would like and who had formerly been maid to his mother» [James, 1966, p. 12–13]¹.

Дядя детей, опекать которых – заботиться о них и их обучать – было предложено гувернантке, ни разу не названной в повести по имени, предстает перед читателем, с одной стороны, через воспри-

¹ Это был джентльмен в цвете лет, холостяк и истинный денди, словом, такая фигура, какую растерянная и взволнованная девушка из гэмпширского пастората могла увидеть разве только во сне или в старинном романе. Этот тип легко поддается зарисовке: слава богу, он у нас никогда не переводится. Джентльмен был очень красив, держался уверенно и свободно, был любезен и благожелателен. Он поразил ее своей галантностью и великолепием – это было неизбежно, но более всего ее пленило, а впоследствии очень помогло и придало ей мужества то, что он представил ей все дело чем-то вроде одолжения и милости с ее стороны, которые он готов принять с благодарностью. Она поняла, что он богат, но страшно расточителен, увидела его во всем блеске красоты, светскости, дорогостоящих привычек, очаровательных манер в обращении с женщинами. Его городской резиденцией был этот громадный особняк, набитый сувенирами путешествий и охотничими трофеями; но он выразил желание, чтобы девушка немедленно отправилась в его загородный дом, старинную усадьбу его семьи в Эссексе. После смерти их родителей в Индии ему пришлось сделаться опекуном двоих малолетних племянников, сына и дочери его младшего брата – офицера, которого он потерял два года тому назад. Эти двое детей стали тяжелой обузой для человека его положения, одинокого холостяка без необходимого в таких случаях опыта и без капли терпения. Ему было нелегко, и он, несомненно, совершил целый ряд ошибок, однако, всей душой жалея бедных птенцов, он сделал для них все, что мог, главное же – отправил их в свой второй дом, ибо детям, разумеется, больше подходила сельская местность, и поселил там с самыми лучшими людьми, каких только мог найти, пожертвовав даже личными своими служами, и сам навевдался к детям, когда мог, посмотреть, как им живется. Трудность заключалась в том, что у них не было других родственников, а у него все время уходило на личные дела. Он отдал им во владение усадьбу Блай, место тихое и здоровое, поставив во главе маленького хозяйства, ограничивавшегося, правда, одним только нижним этажом, миссис Гроуз, превосходную женщину, которая, как он был уверен, должна понравиться его гостье; а прежде она была горничной его матери. – *Пер. Н. Дарузес.*

ятие самой гувернантки, а с другой стороны, через его восприятие мистером Дугласом (ему об опекуне детей рассказала гувернантка). При этом отдельные фразы звучат вполне отстраненно. Тем не менее и рассказ гувернантки, и рассказ мистера Дугласа оказываются переданными рассказчиком, выведенным в повести под именем «Я».

Неизбежно возникает вопрос о доверии: можно ли и насколько можно, если можно, доверять «центральному сознанию»? На этот вопрос Г. Джеймс отвечает в предисловии к роману «Княгиня Казамассима» 1908 г., предостерегая от возможной ошибки: все характеры (в том числе и повествователи) делятся на тех, чьему видению можно доверять, и тех, чьему видению доверять не стоит: «Существуют <...> разные степени восприимчивости: она может быть слабой, приглушенной, не превышающей минимально достаточного уровня, почти безотчетной или же, напротив, обостренной, интенсивной, всеобъемлющей, доходящей до способности к глубочайшим прозрениям и высокой мере ответственности» [Джеймс, 1982, с. 152].

Важность роли повествователя у Г. Джеймса, таким образом, определяется тем, что его фигура становится «центальным сознанием», объединяющим вокруг себя повествование, а смысловое и структурное единство повести создается, прежде всего, последовательно выдерживаемой объективностью описания самого рассказчика и воспроизведением внутренней реальности его сознания. Таким образом, писатель ставит перед собой новую художественную задачу – достоверно передать внутреннюю жизнь персонажа во всей ее сложности, многообразности, многоплановости и противоречивости.

Стремление перейти от «рассказа» к «показу» (а именно этим объясняется введение особого типа рассказчика в произведениях позднего Г. Джеймса) претворяется через постепенное изменение специфических свойств повествователя. Опять же, как следует из признаний самого писателя, для Г. Джеймса важно не само по себе событие, а его отражение: «Художник... занят не непосредственно жизнью, а ее отражением, его интересует не действие само по себе, а его оценка – эта истина коренным образом меняет наш критерий производящего эффекта» [Джеймс, 1982, с. 155]. Таким образом, основой сюжета, центром, вокруг которого развивается действие повести «Поворот винта» становится не событие само по себе, а действующее лицо. Внутреннее «я» персонажа, ока-

завшегося в особых обстоятельствах, раскрывается перед читателем постепенно. В Предисловии 1908 г. к роману «Княгиня Казамассима» Г. Джеймс напишет: «...фигуры, изображенные на полотне, лица, участвующие в драме, представляют интерес лишь в той мере, в которой они способны осмыслить положение, в котором находятся, поскольку их восприятие описываемых событий составляет в нашем понимании одно из звеньев их связи с этими событиями» [Джеймс, 1982, с. 152].

Ни внешний, ни тем более внутренний облик персонажа в произведениях Г. Джеймса не представляется читателю сразу в начале повествования. Напротив, герой раскрывается от эпизода к эпизоду, от сцены к сцене, каждая из которых добавляет, уточняет, проясняет его особенности и свойства. Персонажи описываются через восприятие других персонажей. При характеристике персонажей сочетаются «показ» и «рассказ»; герой «показывается» и о нем рассказывают (по М.М. Бахтину). Такое постепенное раскрытие персонажа, «обнажение» его характера, позволяющее читателю сформировать свое представление о нем, и составляет сюжет повести Г. Джеймса.

Особый тип повествования, который используется Г. Джеймсом в повести «Поворот винта», исключает авторское вмешательство в описываемые события.

Если изначально Г. Джеймс выступал за ясность характеров и четкость сюжетных линий (об этом можно прочитать в его дневниковых записях [James, 1966, р. 186]), то в дальнейшем первонаучальный замысел перерос в крайнюю неопределенность, которая в итоге и стала доминантой повествования.

В авторском предисловии, предпосланном писателем второй, окончательной, редакции повести «Поворот винта» в 1908 г. Г. Джеймс указывает, что у гувернантки тоже есть «своя тайна» [James, 1966, р. 6], которая в тексте также не раскрывается и которая ставит под сомнение достоверность описываемых произошедших с нею событий в имении Блай. Таким образом, повествование оказывается построенным на сложном соотношении и взаимодействии двух в принципе самостоятельных историй, «тайн», заключенных Джеймсом в пределы одного текста. Пересечение «тайны» гувернантки с «тайной» детей и создает впечатление относительности предложенных читателю вариантов понимания того, что же на самом деле произошло, вызывая к жизни «эффект неопределенности» в тексте.

Посредством паратекста (в данном случае предисловия, которое, по сути, является неотъемлемым элементом повести) Г. Джеймс, своими произведениями отстаивающий субъективность повествования, опирающуюся на субъективность персонажей (в данном случае, миссис Гроуз, Майкла и Флоры, гувернантки), с одной стороны, и субъективность восприятия произведения читателем, парадоксальным образом утверждает свою субъектность по отношению к тексту.

Совокупность тайн, которые имеют все без исключения персонажи, сложные взаимоотношения между гувернанткой и детьми, запутанность сюжетных линий, – все это затрудняет восприятие текста, созданного Г. Джеймсом, ставя читателя в особые отношения с текстом. Для Г. Джеймса секрет, заключенный в произведении, становится залогом его (текста) существования.

В рассказе Г. Джеймса «Узор на ковре» (*The Figure in the Carpet*, 1896) ставится вопрос о творчестве. Предметом диалога между писателем Верекером и газетным репортером становится литературное произведение. Для Верекера художественное произведение уподобляется своеобразному узору на ковре, который можно рассматривать с разных точек: как узор на ковре, так и художественное произведение допускает множество толкований, и ни одно из них нельзя считать более правильным, чем другое. Верекер уверен, что тайна авторского «я», его метод никогда не будут разгаданы, и благодаря множеству возможных истолкований его произведение ждет долгая жизнь, поскольку каждый читатель будет по-новому прочитывать текст, предпочитая такое его понимание, которое для него будет приемлемым.

Узнать (разгадать) принципы, которым следует автор в процессе творчества, не значит найти единственно верное значение «узора», а, напротив, уничтожить его, разрушить. Ценность произведения заключается, по Г. Джеймсу, в его принципиальной многозначности, а неопределенность изначально рассматривается и декларируется как способ и, по сути, единственное условие существования произведения как такого.

Таким образом, «перечитывание» произведения оказывается важным актом. «Общение» с текстом состоит не в одноразовом «потреблении» текста (а потом в получении удовольствия от его узнавания, как в античной эстетике), а в игре, которую ведет читатель: каждое последующее прочтение текста сравнимо со встряхиванием, как в калейдоскопе, и может привести к новой интерпретации, т.е. процесс

чтения может превратиться в бесконечность интерпретаций, множественность равнозначных смыслов, на границе которых и «живет» текст Г. Джеймса.

Текст Г. Джеймса построен таким образом, что допускает несколько разных интерпретаций благодаря тому, что оказывается «перегружен» смыслами. Прочитать текст по-своему, расставить свои акценты, именно в этом заключается особая роль джеймсовского читателя как интерпретатора событий, чье художественное воображение стимулируется так называемыми «участками неопределенности» в тексте произведения.

Вовлечение читателя в интерпретацию текста является для Г. Джеймса принципом, позволяющим организовать материал особым образом: недосказанность, умалчивание, предоставление нескольких точек зрения на происходящее последовательно вынуждают читателя вступить в «общение» с текстом. Художественный текст при таком понимании обретает действительное существование лишь в сознании читателя.

Таким образом, в повести «Поворот винта», как и в других произведениях позднего Г. Джеймса, неопределенность становится литературным приемом, средством, необходимым для изображения художественного мира творцом.

Список литературы

- Джеймс Г.* Из предисловий к Собранию сочинений, (1907–1909) // Писатели США о литературе. – Москва : Прогресс, 1982. – Т. 1. – С. 145–164.
- Джеймс Г.* Поворот винта / пер. Н. Дарузес // Джеймс Г. Повести и рассказы. – Москва : Худож. лит-ра, 1983. – С. 376–486.
- Джеймс Г.* Поворот винта / пер. Н.С. Васильевой // Шедевры английского готического рассказа. – Москва : Слово, 1994. – Т. 1. – С. 245–412.
- Джеймс Г.* Предисловие к роману «Женский портрет» в нью-йоркском издании 1907–1909 гг. // Джеймс Г. Женский портрет. – Москва : Наука, 1984. – С. 481–493.
- Коренева М.М.* Генри Джеймс // История литературы США. Литература последней трети XIX в., 1865–1900 (становление реализма). – Москва : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 4. – С. 441–481.
- Яусс Х.Р.* К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. – 1994. – № 12. – С. 96–106.
- James H.* Henry James, selected letters / Ed. by Edel L. – Cambridge (Mass.) ; L. : Belknap press of Harvard univ. press, 1987. – XXIX, 446 p.
- James H.* The turn of the screw. – N.Y. ; L. : W.W. Norton and company, 1966. – 276 p.

References

- Dzhejms, G. (1982). Iz predislovij k Sobraniju sochinenij (1907–1909). In *Pisateli SShA o literature* (Vol. 1, pp. 145–164). Moscow: Progress.
- Dzhejms, G. (1983). Povorot vinta In G. Dzhejms, *Povesti i rasskazy* (pp. 376–486). Moscow: Hudozh. lit-ra.
- Dzhejms, G. (1994). Povorot vinta (N.S. Vasil'eva, Trans.). In *Shedevry anglijskogo goticheskogo rasskaza* (Vol. 1, pp. 245–412). Moscow: Slovo.
- Dzhejms, G. (1984). Predislovie k romanu «Zhenskij portret» v n'ju-jorkskom izdaniii 1907–1909 gg. In G. Dzhejms *Zhenskij portret* (pp. 481–493). Moscow: Nauka.
- Koreneva, M.M. (2003). Genri Dzhejms. In *Istorija literatury SShA. Literatura posled-nej treti XIX v., 1865–1900 (stanovlenie realizma)* (Vol. 4, pp. 441–481). Moscow: IMLI RAN.
- Jauss, H.R. (1994). K probleme dialogicheskogo ponimanija. In *Voprosy filosofii* (12), 96–106.
- James, H. (1987). *Henry James, selected letters* (L. Edel, Ed.). Cambridge (Mass.); London: Belknap press of Harvard univ. press.
- James, H. (1966). *The Turn of the Screw*. N.Y.; L.: W.W. Norton and company.